

ПАДЕНИЕ ПРОТЕКТОРАТА (1659 г.)

Т. А. Павлова

3 сентября 1658 г. не стало Оливера Кромвеля, того, кто «совмещает в одном лице Робеспьера и Наполеона»¹ Английской буржуазной революции... Гроб с восковой куклой, изображавшей усопшего протектора, везла богато убранная шестерка лошадей. Улицы Лондона, по которым проходила процессия, были оцеплены солдатами в красных мундирах с черной каймой. Столпившемуся народу были видны драгоценное королевское платье, корона, украшавшая голову еще недавно всемогущего владыки Англии, скипетр и держава, вложенные в его руки. Похороны поражали своим великолепием. Недаром подготовка к этому событию заняла почти 3 месяца. За катафалком, задрапированным черным бархатом, шли зятя протектора. Армейские офицеры и герольды шествовали с гербовыми щитами, знаменами и флагами в руках. Почетное место было отведено иностранному послу, именитым горожанам Сити, высшим офицерам. Процессию замыкали гвардейцы и солдаты победоносной кромвелевской армии. Вся церемония обошлась не менее чем в 150 тыс. фунтов стерлингов².

Но то были странные похороны. На улицах не видно было скорбных лиц. Зрители переговаривались, курили, шутили. Публично выражали печаль лишь специально нанятые плакальщики, на оплату которых правительство, впрочем, не поскупилось. «Это были самые радостные похороны, которые я когда-либо видел», — записал очевидец³. Более того, пышная и дорогостоящая церемония, сопровождавшая похороны восковой куклы, многих возмутила. По ночам кто-то забрасывал грязью гербовый щит, укрепленный над воротами дворца, в котором стоял гроб. Во время похорон были попытки устроить беспорядки среди солдат, из рук в руки передавались антиправительственные листовки⁴.

Оливер Кромвель давно уже перестал быть в глазах народа символом и вождем революции. Опираясь на военщину, он правил страной единолично. А режим военной диктатуры тяжким бременем ложился на плечи населения. Трудящиеся страдали от хозяйничавших в стране офицеров, от упадка ремесла и торговли, вызванного невыгодной для Англии войной с Испанией, от роста цен, безработицы и нищеты. Финансовое банкротство режима протектората было очевидным: государственный долг к лету 1658 г. достигал 1,5 млн. фунтов стерлингов. Видя неплатежеспособность правительства, «денежные мешки» Сити уже несколько раз отказывали ему в займах. Для изыскания средств Кромвель был вынужден прибегать к повышению косвенных поборов, а это вызывало налоговый саботаж. Новые лорды были недовольны засильем военщины, купцы и промышленная буржуазия — развалом экономики, армия — неуплатой жалованья и постоянными чистками, крестьяне — произволом лендлордов. Республиканцы смотрели на Кромвеля как на узурпатора и разрушителя народных свобод, пресвитериане обвиняли его в «цареубийстве», сектанты видели в нем «апокалиптического зверя», отроде дьявола. Вот почему смерть старого протектора не вызвала скорби. С другой стороны, на Ричарда, старшего сына О. Кромвеля, унаследовавшего его власть, многие смотрели с надеждой.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 602.

² S. Carrington. The History of the Life and Death of... Oliver, Late Lord Protector. L. 1659, pp. 232—238; R. Baker. A Chronicle of the Kings of England. L. 1670, pp. 637—639; «Calendar of State Papers». Domestic Series. 1658—1659. L. 1885, p. 81.

³ J. Evelyn. Diary. Vol. III. Oxford. 1955, p. 224.

⁴ E. Ludlow. Memoirs, 1625—1679. Vol. II. Oxford. 1894, pp. 47—48; «State Papers of John Thurloe». Vol. VII. L. 1742, p. 528; G. Fox. Journal. Vol. II. L. 1905, pp. 284—285; F. P. G. Guizot. Histoire du Protectorat de Richard Cromwell et du Rétablissement des Stuarts. Vol. I. P. 1856, pp. 265—266.

Р. Кромвелю исполнилось 32 года. По отзывам современников, это был «мягкий, сдержанный и спокойный человек», приятный и вежливый, но не отличавшийся волею, силой духа и честолюбием, свойственными его отцу⁵. Интересы к политике или научным занятиям он не выказывал. Любимым его времяпрепровождением была охота, которой он и предавался в своем поместье. Именно такой правитель мог на первых порах удовлетворить все партии. Члены Тайного совета и ведущие офицеры надеялись диктовать ему свою волю. Консервативным кругам буржуазии и дворянства, объединенным в партию пресвитериан, импонировало, во-первых, то, что Ричард не был причастен к казни короля; во-вторых, то, что он являлся старшим сыном протектора и наследовал власть как бы совсем по монархическим правилам. Республикански настроенные джентри и буржуазия, наоборот, надеялись вынудить Ричарда сделать некоторые уступки в их пользу. Настороженную позицию по отношению к новой власти занимала только армия, представлявшая все еще значительную силу. Ричард не сражался в ее рядах и не пользовался в ней популярностью. Он не мог предьявлять таких безусловных прав на звание главнокомандующего, как его отец. Тем более, что фактически армией уже давно командовал генерал Флитвуд, зять Кромвеля, женатый на одной из сестер Ричарда. С другой стороны, солдаты и младшие офицеры были раздражены частыми задержками и без того ничтожным жалованьем, а главное, в их среде еще были живы республиканские идеалы и царило представление о революционном подъеме 1647—1649 гг. как о «добром старом деле».

Первые же месяцы пребывания молодого протектора у власти показали, что правительству не обойтись без парламента. Основной причиной тому была острая нужда в деньгах. Следовало хотя бы частично погасить государственный долг, значительно увеличившийся после похорон Кромвеля, а главное — заплатить жалованье армии и флоту. Парламент открыл свои заседания 27 января 1659 года. Выборы проводились по дореволюционной избирательной системе, и в палате собрались представители крупной буржуазии и джентри. Именно длительным классовым союзом буржуазии и большей части крупных землевладельцев объяснялась «загадка консервативного характера английской революции»⁶. Политические настроения членов палаты были, однако, весьма различны. Наиболее многочисленную и активную группу составляли сторонники протектората. Своим избранием эта группировка (около 100 чел.) была обязана широкой политике подкупа и давления на избирателей, которую проводил Тайный совет под руководством государственного секретаря Дж. Терло⁷. Оппозицию возглавляла партия республиканцев (около 50 чел.). Это были, как правило, бывшие члены Долгого парламента или близкие к ним люди, получившие от буржуазной революции немалые выгоды, но не принявшие протектората и находившиеся при Кромвеле в опале. Лидерами их являлись Г. Вэн и А. Гезльриг. Остальные депутаты принадлежали к умеренному пресвитерианскому «болоту». Согласно последней конституции протектората — «Смирненной петиции и совету», в Вестминстере собрались и «новые лорды» (приближенные протектора и высшие офицеры), стыдливо именовавшие себя «другой палатой».

Задачи парламента с достаточной четкостью сформулировал в своей речи молодой протектор, открывший сессию. «Народные представители» должны были гарантировать мир и порядок внутри Англии, вотировать новые налоги для уплаты армейских задолженностей, решить вопрос об испанской войне и оградить страну от вторжения роялистов⁸. Этого требовали от правительства победившие в буржуазной революции классы-союзники, жаждавшие утихомирить народные массы, стабилизировать и упрочить международный престиж Англии. Но вместо выполнения этих задач парламента

⁵ L. Hutchinson. *Memoirs of the Life of the Colonel Hutchinson*. L. 1913, p. 299; Th. Burton. *Parliamentary Diary from 1636 to 1659*. Vol. IV. L. 1828, pp. 481—483.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 222.

⁷ Старая избирательная система предоставляла право избрания депутатов множеству «гнилых местечек», население которых значительно легче было подкупить, чем в графствах или больших городах. Терло и другие члены Совета разослали в различные части Англии письма с указаниями, кого именно следует избрать в парламента. См. «State Papers of John Thurloc». Vol. VII, pp. 565, 570, 597, 600, 601; S. Bethell. *A True and Impartial Narrative*. «Somers Tracts», vol. VI, 1812, p. 484.

⁸ «The Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803». Vol. III. L. 1807, pp. 1537—1539.

стараниями республиканцев с первых же дней увяз в бесплодных и долгих дебатах о законности правления нового протектора. Республиканцы старались оттянуть время, поставить под сомнение власть Р. Кромвеля и оспорить принятую в 1657 г. конституцию. Г. Вэн⁹ заявил, что эта конституция уничтожает завоевания революции, является «шагом к правлению короля, лордов и общин» и в целом «уничтожает то, за что вы боролись»¹⁰. Республиканцы подняли также вопрос о праве протектора на командование армией и на негативное вето. Они потребовали, прежде чем признать Ричарда протектором, ограничить его власть. Их поддержали представители офицерской верхушки, желавшие усилить свое влияние.

Однако напор республиканцев имел ничтожные результаты. Делавшие ставку на нового протектора представители имущих классов видели в действиях оппозиции попытку вернуться к беспоконному временам Долгого парламента и добиться республиканского правления, которое, как сказал один из депутатов, означает «всеобщее разрушение, оскорбление и притеснение благочестивых пасторов..., мятежи, уравнивательные принципы, «Народное соглашение» и прочие чудовищные измышления»¹¹. «Партия порядка» была в безусловном большинстве, и республиканцам удалось добиться лишь того, что эпитет «несомненный» в титуле нового протектора был отменен. Столь же малорезультативными оказались попытки республиканцев провалить билль о признании полномочий «другой палаты» и поставить под сомнение права представителей Шотландии и Ирландии. Оппозиция добилась «успеха» только в одном: ей удалось затянуть дебаты и отвлечь парламент от выполнения действительно важных и насущных задач, прежде всего от решения финансового вопроса. Состояние государственного бюджета нижняя палата начала обсуждать только в апреле. Но никаких решений по этому вопросу принять не успела: в конце апреля разразился политический кризис, приведший к роспуску парламента и потрясший всю страну.

Кризис назревал постепенно. Несмотря на то, что начало деятельности Р. Кромвеля казалось многим современникам на редкость спокойным и при провозглашении его правления, по выражению Терло, «ни одна собака не тякнула», в Англии еще существовали значительные силы, сохранившие буржуазно-революционные идеалы и не потерявшие надежду на их осуществление. Надежда на лучшую жизнь не покидала наиболее обездоленные слои английского народа — трудовые низы, жестоко обманутые буржуазной революцией¹². Еще в августе 1658 г., когда стало известно, что старый протектор тяжело болен, то там, то здесь начали появляться слухи о «беспорядках». После смерти Кромвеля слухи усилились. Зачинщиками движения были сектанты — представители народных низов. Обилие мистических, нонконформистских сект в народной среде характерно для эпохи Английской революции. Выступивший на борьбу против феодализма английский народ воспользовался, как известно, «языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета»¹³. Анабаптисты, сикеры, антиномиане, рантеры, милленарии, квакеры пытались в своих религиозных доктринах преодолеть нищету и убожество, выпавшие им на долю в земной жизни. В то же время члены демократических сект были наиболее левыми и последовательными выразителями социального протеста.

В одном из писем сообщалось, что анабаптисты в Лондоне «заговорили очень громко»; в другом — что «люди Пятой монархии» (секта милленариев) за 6 часов до смерти протектора разослали своих агентов во все районы Англии «и, по всей видимости, что-то затевают»; в третьем говорилось о распространении сектантской литературы и о некоторых «темных надеждах» среди молчавших несколько лет шотландских анабаптистов; в четвертом — о митинге квакеров с целью обращения людей в их веру «или, скорее, ниспровержения всего существующего»¹⁴. В Оксфорде во время церемонии провозглашения протектора официальных лиц забросали морковью и

⁹ См. о нем: Т. А. Павлова. Дон-Кихот Английской революции. «Вопросы истории», 1971, № 6.

¹⁰ Th. Burton. Op. cit., vol. III, pp. 134, 178.

¹¹ Ibid., pp. 113—114.

¹² См. М. А. Барг. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в. М. 1967, гл. II, VII.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 120.

¹⁴ «Clarke Papers». Vol. III. L. 1900, p. 162.

репой. 14 сентября в Лондоне распространялись какие-то сведения, имевшие целью «волновать народ, и будоражить его, и побудить его к восстанию»¹⁵. О волнениях и митингах сектантов в ноябре сообщалось из Эдинбурга. «Сюда,—пишет очевидец,—недавно явились два новых человека, чтобы объявить, что они имели множество пустых диспутов с так называемыми «людьми свободной воли»; во многих местах сектанты отказывались платить церковную десятину и выступали против духовенства. Все эти «беспорядки» были продолжением той волны недовольства существовавшим режимом, которая поднялась в 1658 г., еще при О. Кромвеле. Теперь эта волна расширялась, захватывая все новые слои демократического населения и оказывая подспудное влияние и на республиканцев и на офицерскую верхушку, чтобы потом привести к неожиданному взрыву.

Недовольство наблюдалось и в армии. Уже в октябре 1658 г. стало известно, что солдаты и младшие офицеры регулярно собираются в капелле св. Якова. Там они будто бы предавались совместным молитвам и благочестивым рассуждениям, а на деле горячо обсуждали насущные вопросы жизни. Они чувствовали, что «доброе старое дело» было предано и поругано, власть не дана народу, свобода уничтожена тиранией протектора. Они требовали восстановления былого могущества армии и возвращения ей прежних привилегий: она должна иметь своего главнокомандующего, независимого от гражданской власти; главнокомандующий, а не парламент и не протектор, назначает на должности всех старших офицеров до полковника включительно; армейцы подсудны только военному суду. В низах армии распространялись петиции о выплате финансовой задолженности и увеличении жалования солдатам и младшим офицерам. Армейская верхушка вначале сурово расправлялась с участниками движения. Однако сами же кромвелевские генералы Флитвуд, Десборо, Ламберт стремились к усилению роли армии в стране. Они хотели, чтобы диктатура протектората была их диктатурой, а из молодого протектора пытались сделать ширму, прикрывающую олигархическое правление военной «хунты». Осенью 1658 г. верхушка офицеров начала собираться, отдельно от армейских низов, в доме Флитвуда, носившем название «Уоллингфорд-хауз». Вскоре вся офицерская партия получила это имя.

Третье направление оппозиционного движения составляли республиканцы. Пользуясь ослаблением цензуры при Ричарде, они печатают и распространяют памфлеты, возрождавшие идеи революционного подъема 1648—1649 годов. Некий анонимный автор иронически излагал произнесенную в 1648 г. О. Кромвелем речь, где будущий диктатор страстно нападал на пороки «правления одного лица», что ведет к «тирании, угнетению и нищете для всей нации». Памфлетист отвергал законность правления Р. Кромвеля и доказывал преимущества республиканского строя¹⁶. В первые дни заседания парламента никому не известный Уильям Кинг, лондонский виноторговец, распространял среди членов нижней палаты республиканский памфлет «25 вопросов», который, по выражению одного из лояльных депутатов, «содержал государственную измену в каждой строчке»¹⁷. Памфлет осуждал режим протектората, указывал на деятельность Долгого парламента как на пример для подражания и выдвигал известный левеллерский принцип: вся власть должна находиться в руках народных представителей, объединенных в свободный и часто переизбираемый парламент. Памфлет требовал провозглашения гражданских свобод и борьбы с разорением¹⁸. В ноябре 1658 г. возобновил открытую пропаганду принципов своей «Океании» Дж. Гаррингтон, известный теоретик республиканизма. Он выпускает ряд памфлетов, в которых снова и снова доказывает, что форма власти в стране зависит от характера распределения земельной собственности; что в Англии в то время значительная часть земли все еще принадлежала массе «доброго народа», и потому эта страна должна быть только республикой; что принцип ротации — ежегодного обновления состава парламента на $\frac{1}{3}$ — гарантия мира и порядка¹⁹.

¹⁵ A. Wood. *Athenae Oxonienses*. Vol. 1. Oxford. 1891, pp. 82—83; «State Papers of John Thurloe», vol. VII, pp. 521, 527.

¹⁶ «A Brief Relation». «Harleian Miscellany», vol. VIII, 1746, pp. 580—583.

¹⁷ Th. Burton. *Op. cit.* Vol. III, p. 78.

¹⁸ «Twenty-five Queries... Propounded to the People of England». L. 1659.

¹⁹ J. Harrington. *Works*. L. 1737, pp. 524—538; Ю. М. Сапрыкин. Борьба Гаррингтона и его группы за республику. «Средние века», вып. 9, 1957.

С созывом парламента напор недовольных усилился. В феврале 1659 г. несколько известных баптистов подали в палату общин ту республиканскую петицию, которая годом ранее вызвала гнев О. Кромвеля, и он разогнал парламент, приказав арестовать подателей петиции. Теперь же, несмотря на то, что петиция требовала передачи всей полноты власти в руки парламента и обвиняла режим протектората в тирании и узурпации народных прав, она была принята парламентом и никаких карательных актов не последовало. В феврале же выходит из печати множество республиканских памфлетов, повторяющих требования петиции и осуждающих узурпацию власти. В них правление Долгого парламента и времена республики вспоминаются как «благословенные дни»²⁰. Один из таких памфлетов назывался «Левеллер». После многолетнего перерыва левеллеры, самые революционные представители мелкой буржуазии, вновь заявили о себе. Они повторяли свои известные конституционные принципы: вся власть в стране принадлежит народным представителям, избирающимся на определенное законом время; все люди, богатые и бедные, знатные и простые, равны перед законом; в стране должно существовать всеобщее вооружение народа, а армия — находиться «под командованием парламента»²¹.

Затем столица была взволнована возвращением из тюрьмы, после 4-летнего заключения, полковника Роберта Овертона. Он был арестован в 1654 г. по личному приказу Кромвеля после того, как выразил недовольство роспуском Малого парламента и установлением протектората. Ни следствия, ни суда над ним произведено не было. Горячие выступления республиканцев в защиту Овертона заставили парламент пересмотреть его дело. В середине марта 1659 г. он был привезен в Лондон. Толпы народа заполнили улицы города и приветствовали республиканца, увенчав его лаврами. Стража хотела отвезти его в тюрьму Ламбет, чтобы он ожидал там вызова в парламент, но народ, узнав об этом, преградил путь карете, выпряг лошадей и отвез Овертона в частный дом. Через несколько дней парламент, уступая натиску республиканцев, постановил, что заключение Овертона по личному приказу протектора несправедливо и незаконно и что он должен быть освобожден из заключения. Дело Овертона открыло собой ряд процессов, посвященных освобождению из тюрем либо снятию обвинения и штрафов с лиц, подвергавшихся гонениям и арестам при Кромвеле. По петиции Э. Лильберна, вдовы знаменитого вождя левеллеров, скончавшегося в ссылке, палата приняла решение об «аннулировании приговора и судебного преследования, ведшегося в этой палате против подполковника Джона Лильберна»²². Вдове была назначена пожизненная пенсия. Освободили из тюрем ряд должностных лиц, армейских офицеров и сектантов, схваченных ранее по личному приказу всемогущего протектора.

Более громко и решительно заговорили представители народных сект. Они требовали свободы личности, прежде всего свободы совести, и отказывались платить церковную десятину. Известный сектант П. Корнелиус в памфлете о веротерпимости предлагал правительству поощрять свободные дебаты по вопросам веры. Такие дебаты, говорил он, должны происходить в каждом городе открыто, на большой площади или возле церкви; они просветят невежественных, объединят секты в их общем стремлении к знанию и обнаружат злых людей, ищущих только личной выгоды. Одним из наиболее важных моментов в памфлете Корнелиуса было требование «отмены и аннулирования» церковной десятины, чтобы каждый верующий мог свободно поддерживать деньгами ту конгрегацию, к которой он принадлежит²³.

В апреле к дверям парламента явилась толпа квакеров, чтобы представить палате свою петицию. В ней члены этой секты, находившиеся на свободе, предлагали заменить тех из своих «братьев», которые содержатся в тюрьмах и исправительных домах и которых там преследуют и избивают; квакеры объясняли, что их единомышленников бросили в тюрьму «за высказывание правды..., за неуплату десятины и за

²⁰ A. H. Woolrych. The Good Old Cause and the Fall of the Protectorate. «Cambridge Historical Journal», vol. 13, 1957, № 2, pp. 138—139.

²¹ «The Leveller, or the Principles and Maxims concerning Government and Religion». L. 1659.

²² «Journals of the House of Commons», vol. VII, p. 608.

²³ P. Cornelius van Zürrick-Zee. The Way to the Peace and Settlement of These Nations. «Somers Tracts», vol. VI, pp. 487—497.

совместные митинги..., за отказ от клятв, за неснимание шляп..., за посещение друзей и прочие подобные вещи»²⁴. Под петицией стояли 154 подписи. Реакция палаты на петицию показала, сколь далеко зашли сектанты в своих требованиях. На первый взгляд «кроткие», эти просьбы квакеров вызвали бурю. Один из депутатов с возмущением требовал разогнать их как бродяг, другие предлагали издать закон, осуждающий их выпады против клириков, третьи клеймили сектантов как «нарушителей мира», «волков в овечьей шкуре» и «фанатичные толпы». Сплоченность и неколебимость сектантского движения, его революционные требования и самый факт, что оно исходило из народных низов, представляли немалую опасность для правящей верхушки.

Народные волнения, сектантские митинги, республиканские выступления в печати, петиции и проекты свидетельствуют, что к весне 1659 г. недовольство режимом протектората созрело и готово было вылиться в открытые действия. Чтобы покончить с диктатурой, нужна была лишь организованная сила, способная произвести переворот. Такой силой явилась армия. Уже в марте стало ясно, что парламент не способен выполнить стоящие перед ним задачи. Прежде всего это касалось выплаты армейского жалованья. Дебаты шли о чем угодно, только не о покрытии финансового дефицита. На возобновившихся митингах в капелле св. Якова было шумно. Солдаты возмущались своим нищенским положением; младшие офицеры уверяли, что «наверху» их предали и собираются вернуть в страну Стюартов. Индепендентские проповедники со страстью призывали «искупить великие грехи нации». В начале апреля собрался Всеобщий совет офицеров. Плодом деятельности избранного им комитета, куда не вошли ни кромвелевские генералы, ни даже представители оппозиционной офицерской партии Уоллингфордхауз, явилась петиция, представленная лично протектору 6 апреля. В ней провозглашалось, что цель армии—восстановить «доброе старое дело» и «положить конец потоку предательств и нечестия»²⁵. Армия, говорилось далее, являющаяся стойкой защитницей «доброе старое дело», находится в величайшей нужде из-за неуплаты жалованья, а «офицерские кошельки опустошены вследствие займов солдатам», которые часто вынуждены продавать свое будущее жалованье значительно ниже его стоимости за наличные деньги, чтобы купить хлеба.

Выступление армейских низов было бескомпромиссным. Генералы поняли, что отныне защищать Ричарда уже небезопасно. Они помнили решительные действия революционной армии в 1647—1649 гг. и понимали, что солдат поддержат сектанты и республиканцы, а тогда ставленникам Кромвеля—Флитвуду, Десборо и им подобным несдобровать. Армейской верхушке не оставалось ничего иного, как следовать в такой ситуации тактике Кромвеля—возглавить солдатское возмущение с тем, чтобы постепенно прибрать его к рукам и пустить по нужному руслу. С другой стороны, видя активность и популярность республиканцев в парламенте и вне его, в том числе среди солдат, генералы решили пойти с ними на соглашение. В Уоллингфордхауз был тайно приглашен известный в республиканских кругах Ледло. Он, по его собственным словам, заявил офицерам, что они могут исправить свою ошибку (установление единоличной тирании Кромвеля), если объединятся с республиканцами и восстановят у власти Долгий парламент, в свое время осудивший на смерть короля и установивший республику. Договоренность была достигнута, офицерская и республиканская партии заключили союз.

Тучи над протектором сгустились. 13 апреля на заседании Всеобщего совета офицеров было решено добиться передачи командования армией в руки «какого-либо подготовленного к этому лица, на кандидатуру которого все могли бы согласиться»²⁶. Узнав об этом, Терло и другие ближайшие советники предложили Ричарду объявить себя главнокомандующим, распустить парламент и изобрести какое-либо средство достать деньги для армии помимо парламента. Флитвуд и Десборо, родственники протектора и лидеры офицерской партии, воспротивились этому. Тогда ру-

²⁴ Th. Burton. Op. cit., vol. IV, pp. 440—441.

²⁵ «Public Intelligencer», 11—18.IV.1659.

²⁶ «Calendar of State Papers and Manuscripts relating of English Affairs Existing in the Archives and Coliections of Venice», vol. XXXII: 1659—1661. L. 1931, p. 10.

ководители придворной партии торжественно поклялись Ричарду в верности и потребовали, чтобы он арестовал «уоллингфордцев». Терло, как сообщали, едва отговорил Ричарда от такого рискованного шага. Борьба в верхах дала повод многим буржуазным исследователям думать, что судьбы власти в Англии решались в тот период лишь верхушечными группировками, преследовавшими сугубо личные цели. Весь ход событий, однако, убеждает в ином: эти узкие группировки не могли действовать самостоятельно и вынуждены были подчиняться давлению снизу. В то же время назревали события в парламенте. 18 апреля палата общин при закрытых дверях приняла два важных решения. 163 голосами против 87 было постановлено, что «во время заседания парламента не должно происходить собраний Всеобщего совета офицеров или митингов офицеров армии без разрешения... лорда-протектора и обеих палат парламента»²⁷. Далее было единогласно решено, что ни один офицер не должен допускаться к исполнению своих обязанностей, пока не подпишет обязательства, что не будет нарушать или прерывать заседания парламента и вмешиваться в его дебаты. Общины послали эти решения для утверждения в «другую палату», но ответа не получили.

Ричард должен был выбирать между армией и парламентом. Он выбрал парламент, вызвал к себе в Уайтхолл ведущих офицеров и заявил, что парламента принял на рассмотрение их петицию, и потому им нет нужды более собираться. В связи с этим он объявляет Всеобщий совет офицеров распущенным, а им всем приказывает вернуться на места, в свои полки. В ответ на возражения ошеломленных офицеров, в частности его дяди Десборо, Ричард твердым голосом повторил приказ и вышел. Но офицеры не думали сдаваться. Вопреки приказу «юного джентльмена», как они между собой называли протектора, они собрались снова и заявили, что не разойдутся, пока не будет получен ответ на их требования. Многие открыто призывали к роспуску парламента. Теперь вывести страну из кризиса могли только либо народная революция (но для нее не созрели условия), либо государственный переворот. Решающие события произошли 21 апреля. С утра парламента начал обсуждать вопрос о командовании армией, что уже само по себе было вызовом. В армии поползли слухи, что Ричард хочет стать генералом и для этого ищет поддержки не только у парламента, но и у сторонников Стюартов. Солдаты зашумели, что они не за то проливали свою кровь, чтобы посадить на престол монарха. Между тем Ричард обсуждал со своими приближенными вопрос о роспуске парламента. Говорили, что большинство Тайного совета было за роспуск, но возражал сам протектор²⁸. Тогда же или немного позже Ричард согласился на арест Флитвуда и других офицерских вождей. В Уоллингфордхауз был послан гонец с приказом доставить Флитвуда в Уайтхолл. Флитвуд отказался подчиниться. Ричард вызвал несколько человек из своей личной охраны и приказал им арестовать Флитвуда. Но те почтительно попросили протектора извинить их от такого поручения. Вдобавок Ричарду донесли, что Флитвуд назначил вечером того же дня всеобщее армейское «рандеву» в капелле св. Якова. Чувствуя, что почва ускользает у него из-под ног, Ричард назначил на те же часы «контррандеву» в Уайтхолле и приказал воинским частям, расквартированным в Лондоне, явиться туда для охраны его персоны.

Когда протектор на коне в сопровождении ближайших советников явился в назначенное место, он обнаружил, что во двор Уайтхолла пришло лишь несколько взводов. Основная масса армии объединилась под знаменем авторитетного и, как ей казалось, связанного с «добрым старым делом» Флитвуда. На митинг перед капеллой св. Якова солдаты и офицеры провозглашали республику без единоличного правления. После митинга Флитвуд, Десборо и другие военачальники явились в Уайтхолл и прошли в покои Ричарда. Недавняя победа дала им право говорить с протектором весьма категорично: если протектор немедленно распустит парламента, то они позаботятся о нем, в противном же случае будут действовать по своему усмотрению. Ричарду было отказано в просьбе проконсультроваться с кем-либо из членов Тайного совета, и после некоторого сопротивления, испуганный угрозами Десборо, он согласился. В ночь на 22 апреля протектор подписал приказ о роспуске парламента.

²⁷ «The Parliamentary History...», vol. III, pp. 1544—1545.

²⁸ B. White l o k e. Memorials of the English Affairs, Vol. IV. Oxford. 1853, p. 343.

та, а по существу приказ о своей отставке²⁹. После этого Ричард жил еще некоторое время в Уайтхолле. Он безоговорочно согласился признать власть Долгого парламента и не вмешиваться в его дела, затем возвратился в одно из своих поместий и находился там вплоть до реставрации Стюартов, после которой бежал в Европу. Там он жил до 1688 г., когда получил возможность вернуться в Англию. В политической жизни страны он больше не участвовал. Последний же парламент протектората, не сумевший провести ни одного существенного акта, бесславно окончил свои дни, продемонстрировав полную неспособность решить стоявшие перед ним задачи: стабилизировать внутреннее положение страны, упрочить власть протектора, изыскать денежные средства для уплаты армии, прекратить войну с Испанией. Бесплодные дебаты между сторонниками различных партий только усилили недовольство военной диктатурой, засильем армии, экономической разрухой.

После роспуска парламента власть оказалась в руках кучки генералов. Ричард оставался там тогда в Уайтхолле как бы на положении заключенного. Казалось, главари партии Уоллингфордхауз достигли своей цели: управлять страной с помощью армии, прикрываясь именем протектора. Они уже начали увольнять с руководящих постов верных протектору офицеров и назначать своих приверженцев. В Ирландию было послано несколько отрядов, чтобы помешать выступлению находившегося там Генри Кромвеля в защиту брата. Но власть генералов была лишь видимостью. Направлять события они уже не могли. Долго назревавшая в стране буря разразилась. В разных слоях демократического населения открыто поднимается мощное движение за созыв Долгого парламента и возвращение к республике 1649 года. Всеобщий совет офицеров и лично Флитвуд в первые же дни беспарламентского правления были буквально засыпаны петициями и адресами от младших офицеров армии, от тысяч солдат, сектантов и различных групп гражданских лиц с требованиями аннулировать «Петицию и совет» и создать Долгий парламент. «Каждый день, — записывал в те дни венецианский посол, — появляются листки и ремонстрации от солдат и других, выражающие желание и доказывающие разумность» возвращения Долгого парламента³⁰. Другой современник свидетельствует, что «все младшие офицеры армии и целые полки солдат вручали с этой целью петиции, и почти все благонамеренные люди сосредоточили на этом свои усилия»³¹.

Социальный состав движения был широким. Оно объединяло в себе три мощных потока, текших параллельно. Первый, наиболее грозный, — армия. Среди солдат и младших офицеров наблюдается оживление революционных настроений: в ряде полков, как и в 1647—1648 гг., появились агитаторы³²; многие современники пишут о подъеме активности левеллеров, вновь требовавших установления «Народного соглашения», провозглашения демократических свобод, отмены пережитков феодализма в деревне. Возвращения к власти индипендентского Долгого парламента требовали и широкие слои буржуазно-дворянских собственников, выигравших войну с королем и некогда служивших этому парламенту опорой. Им восстановление республики 1649—1653 гг. представлялось гарантией экономического процветания и охраны их собственности от притязаний роялистов. Третьим потоком было сектантское движение, объединявшее крестьянско-плебейские низы. Многочисленные сектантские общины присылали в адрес Всеобщего совета офицеров петиции, в которых требовали вернуться к «правлению святых» — сектантскому Малому парламенту, в свое время проводившему более демократическую политику в интересах масс мелких собственников³³. Стоящие у кормила правления генералы не могли справиться с этим движением. Если бы они ему воспротивились, оно бы смело их. Поэтому Десборо, Флитвуд, Ламберт и их соратники в первых числах мая повели переговоры с вождями республиканцев Ваном, Гезльригом, Ледло и, чтобы сохранить за собой контроль над парламентом, потребовали создания наряду с ним «сената из избран-

²⁹ G. Davies. The Restoration of Charles II. San Marino (California). 1955, p. 84.

³⁰ «Calendar... of Venice», vol. XXXII, p. 17.

³¹ «Clarke Papers», vol. III, p. 214.

³² E. Nicholas. Correspondence. Vol. IV. L. 1920, p. 22.

³³ L. F. Brown. The Political Activities of the Baptists and Fifth Monarchy Men in England during the Interregnum. Washington. 1912, pp. 177—178.

ных лиц». Но республиканцы, чувствуя поддержку масс, не приняли этого предложения, и генералам пришлось отступить.

6 мая Всеобщий совет офицеров выпустил декларацию, приглашавшую тех членов Долгого парламента, которые продолжали заседать до 20 апреля 1653 г., возвратиться к исполнению своих обязанностей. В тот же день старшие офицеры и лидеры республиканцев явились в дом бывшего спикера палаты общин Дж. Ленталла, вручили ему свою декларацию и предложили собрать на следующий день в Вестминстере всех здравствующих членов индипендентского Долгого парламента. Ледло вспоминал потом, что старый спикер, переживший немало потрясений, был сильно напуган таким предложением и долго отказывался вернуться в палату. Но офицеры пригрозили, и он согласился. 7 мая 1659 г., через 19 лет после открытия Долгого парламента и через 6 лет после разгона его Кромвелем, 42 члена палаты общин (когда-то их было около 500) торжественно проследовали к зданию Вестминстерского аббатства и заняли там свои места. Их осталось, как видно, немного. За кем-то пришлось послать в тюрьму, кого-то вызвали из загородного поместья. Но на эту горстку людей, собравшихся в выдавшем виды зале, смотрела вся страна. С началом их заседаний наступала, как казалось многим, новая эпоха — эпоха Второй Английской республики. Однако история шла своим путем. Непрерывавшиеся выступления народных масс устроили буржуазию и новое дворянство. Созрела почва для социального компромисса в правящих кругах³⁴. На горизонте постепенно вырисовывалась реставрация Стюартов.

³⁴ См. «Английская буржуазная революция XVII в.». Т. 2. М. 1954, стр. 121.